

Письма героя Шипки—Г. Г. Радецкого изъ Германіи въ 1885 году.

Въ августъ мѣсяцѣ 1885 года генераль-адъютантъ Радецкій былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Германію для присутствованія на большихъ Императорскихъ маневрахъ близъ Карлсруэ, гдѣ и оставался до конца сентября, посѣтивъ на обратномъ пути въ Россію Мюнхенъ и Вѣну.

Поездка эта описана имъ довольно подробно въ письмахъ къ его второй женѣ, Серафимѣ Петровнѣ Радецкой, дочери известнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба и одного изъ первыхъ редакторовъ „Русскаго Инвалида“—генераль-лейтенанта П. С. Лебедева. Такъ какъ указанные письма представляютъ несомнѣнный интересъ для всѣхъ, чтущихъ память славнаго героя и сподвижника незабвеннаго Царя-Освободителя, то мы и приводимъ ихъ ниже безъ всякихъ измѣненій, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были найдены въ бумагахъ доблестнаго Федора Федоровича, послѣ его смерти.

Вчера въ 3 часа телеграфировалъ тебѣ въ Варшаву о томъ, что я совершенно благополучно прибылъ въ Берлинъ—телеграфировалъ: Новый Свѣтъ 39, кварт. Гечевичей.

Вѣроятно эту телеграмму тебѣ вчера же вечеромъ принесли, такъ что я удостоился отъ тебя похвалы.

Вчера мы прибыли сюда въ 7 часовъ утра. Меня встрѣтилъ Бутаковъ ¹⁾ и объявилъ, что Вильгельмъ уѣхалъ куда-то и что, по всей вѣроятности, придется представляться ему въ

¹⁾ Русскій военный агентъ въ Берлинѣ.

Карлсруэ, но если я очень хочу здѣсь кромѣ того представиться, то онъ черезъ Долгорукаго ¹⁾ выхлопочетъ это.

Сегодня я буду въ 11 часовъ въ посольской церкви у обѣдни и если увижу тамъ Долгорукаго, то поговорю съ нимъ объ этомъ.

Вчера, напившись въ Петербургскомъ отелѣ, гдѣ мы остановились, чаю, я со своими коллегами отправился въ Тиргартенъ, очень хорошей и большой, а оттуда—въ Зоологическій садъ, гдѣ видѣлъ представленіе индѣйцевъ со слонами и разныхъ звѣрей; потомъ на конкѣ поѣхали обратно въ городъ—видѣли памятникъ въ воспоминаніе войнъ 66 и 70 годовъ, очень красивый и колоссальный. Позавтракавши въ Тиргартенѣ, отправились назадъ въ городъ, гдѣ я отдалъ свою телеграмму на телеграфную станцію. Пообѣдали въ отелѣ, а потомъ отправились въ опереточный театръ, гдѣ давали „Grand Mogol“ по-нѣмецки. Голоса довольно хорошіе, но содержанія совсѣмъ не понялъ, потому что скороговорка нѣмецкая отъ меня ускользаетъ.

Мы здѣсь останемся до среды; въ среду вечеромъ отправимся въ Карлсруэ, куда прибудемъ въ четвергъ къ 2-мъ часамъ дня. Сегодня вечеромъ пойдемъ въ Королевскій оперный театръ, гдѣ дадутъ „Виндзорскія кумушки“.

Забылъ тебѣ написать, что вчера кромѣ того видѣлъ Берлинскій акваріумъ, огромный и очень интересный, и панораму Седана, въ моментъ послѣдней отбитой конной атаки французовъ,—вродѣ нашихъ Плевненской и Карской, которыя ты видѣла.

Затѣмъ, душа моя, цѣлую тебя отъ всей души. Поцѣлуй Ольгу ²⁾ и всѣхъ твоихъ, которымъ тоже передай мой сердечный привѣтъ.

Цѣлую тебя Э. Радецкій.

Напишу тебѣ послѣ завтра, т. е. во вторникъ.

Хотя я и писалъ, что слѣдующее письмо напишу во вторникъ, но не утерпѣлъ и пишу тебѣ сегодня—въ понедѣльникъ. На желѣзной дорогѣ встрѣтилъ меня Бутаковъ, нашъ военный

¹⁾ Генералъ-адъютантъ Долгорукій, состоявшій при особѣ германскаго императора.

²⁾ Вторая дочь Э. Э.—Ольга Ѳедоровна, впоследствии Розальонъ-Сошальская.

агентъ, а вчера я познакомился съ Долгорукимъ, состоящимъ при императорѣ Вильгельмѣ. Онъ угостилъ насъ обѣдомъ въ ресторанѣ, потому что, по его словамъ, квартира его мала, такъ что не можетъ вмѣстить всѣхъ дорогихъ гостей. Вечеромъ были въ оперѣ, гдѣ давали „Виндзорскія кумушки“; музыка знакомая, но тѣмъ не менѣе очень милая, куда лучше „Опѣгннхъ“ и „Демоновъ“. Пѣвицы и, въ особенности, пѣвцы съ голосами, и вообще спектакль прошелъ хорошо.

Днемъ я видѣлъ Вильгельма, катающагося въ коляскѣ; сегодня утромъ онъ уѣхалъ на маневры въ окрестностяхъ Берлина.

Въ церкви познакомился съ здѣшнимъ нашимъ генеральнымъ консуломъ и сегодня отдалъ ему визитъ. Потомъ буду въ музеѣ, который, говорятъ, очень интересенъ, а вечеромъ—въ балетѣ „Мессалина“, который, говорятъ, тоже интересенъ.

До свиданія, душа моя. Цѣлую тебя и всѣхъ, а равно и милую нашу Ольгу.

Любящій тебя крѣпко О. Радецкій.

Понедѣльникъ. Берлинъ.

Вчера утромъ не писалъ къ тебѣ, потому что рано утромъ мы поѣхали въ Потсдамъ и цѣлый день до вечера тамъ все осматривали. Потсдамъ—совершенно Царское Село или Гатчино, какъ будто по одной мѣркѣ сдѣланы. Тѣ же дворцы, тѣ же уланскія и гусарскія казармы, та же стрѣлковая школа, тѣ же картинныя галереи,—но все это содержится еще съ большею тщательностью, чѣмъ у насъ. Былъ въ Санъ-Суси гдѣ все содержится въ томъ же порядкѣ, какъ и при Фридрихѣ II. Познакомился я здѣсь съ Кудрявцевымъ, Арсеньевымъ, Муравьевымъ и Катархтомъ. Это—все чиновники при здѣшней миссіи. У Кудрявцева даже третьяго дня пили чай и играли три роббера въ вистъ; къ нему пріѣхала племянница и тамъ же я засталъ пѣвицу-контральто, подвизающуюся за границей—Карганову—дочь моего стариннаго, нынѣ уже умершаго, товарища, сестру того Карганова, котораго я представилъ тебѣ въ Харьковѣ, тенора и чиновника, провожавшаго по Россіи Тамберлика. Не вздумай, пожалуй, ревновать меня къ ней: я съ ней сказалъ только нѣсколько словъ о томъ, какъ я у отца ея принималъ роту въ Кавказскомъ саперномъ баталіонѣ и о ея братѣ.

Сегодня вечеромъ въ 8 часовъ ѣдемъ въ Карлсруэ. Тамъ васъ только завтра ждутъ, и завтра будутъ ириготовлены для насъ квартиры, лошади и экипажи. Такъ что раньше туда и незачѣмъ было ѣхать.

Завтра будемъ тамъ въ 12 часовъ дня, и первымъ дѣломъ сѣзжу на почту, чтобы получить тамъ твое письмо, которое вѣрно ждетъ меня тамъ. Въ тотъ же день представляюсь императору, наслѣдному принцу и великому герцогу Баденскому, а на другой день, кажется, начнутся парады и маневры.

Цѣлую тебя, душа моя, крѣпко и остаюсь любящій тебя

Э. Радецкій.

Поцѣлуй Ольгу и всѣхъ родныхъ.

Среда, 28-го августа. Берлинъ.

Телеграмма изъ Карлсруэ въ Варшаву.

11 августа 1885 года.

Генеральшѣ Радецкой.

„Arrivé ici fort bien, porte parfaitement Radetzky“.

Карлсруэ, 11 августа 1885.

Моя милая фигура, какъ ты себя называешь и чего бы я самъ, конечно, никогда не осмѣлился бы выговорить, потому что собственно ты не фигура, а—восхитительное созданіе. Вчера я сюда пріѣхалъ утромъ, но такъ замотался съ визитами и проч., что не успѣлъ не только тебѣ написать, но и телеграфировать. Вчера вездѣ росписывался, оставлялъ карточки и проч. Сегодня былъ большой парадъ. Погода переменная: то дождь, то ясно; совсѣмъ какъ въ Петербургѣ. Вѣтеръ сильнѣйшій. Кайзеръ былъ въ коляскѣ, такъ что я съ нимъ не говорилъ, а обѣдать буду у него въ 5 часовъ и тогда уже выложу ему фразу о поклонѣ, посланномъ ему нашимъ Государемъ.

Я здѣсь получилъ два твоихъ письма отъ 25 и отъ 26. Цѣлую тебя за нихъ и Ольгу—за ея приписку. Наташа ¹⁾ все-

¹⁾ Младшая дочь Э. Э.—Наталья Федоровна: умерла въ Омскѣ, заразившись тифомъ отъ переселенцевъ, за которыми ухаживала въ качествѣ сестры милосердія.

таки—чучело гороховое, что сама не догадалась написать въ Петербургъ.

Пишу тебѣ въ полной формѣ, придя съ дипломатическаго завтрака и готовясь ѣхать во дворець, и потому не распространяюсь. Скажу только, что совершенно здоровъ и веселъ.

Цѣлую тебя, Ольгу и всѣхъ твоихъ.

Твой Э. Радецкій.

12 сентября новаго стиля. Карлсруэ.

Сегодня, душа моя, я получилъ твое письмо отъ 28 августа изъ Варшавы съ припиской Ольги, которую за это цѣлую. Маневры на сегодня отмѣнены по случаю скверной погоды; поэтому я успѣлъ быть у Деля ¹⁾, который очень тебѣ кланяется, объявилъ, что онъ у васъ былъ годовымъ докторомъ и восторженно говорилъ о тебѣ, какая ты милая, образованная и красивая. Размѣнялъ по его указанію у здѣшняго его знакомаго банкира 500 рублей на 1000 и 10 марокъ—совершенно какъ въ Петербургѣ—и купилъ себѣ папирсы.

Потомъ всѣ мы, иностранцы, какъ-то: французы, итальянцы, русскіе, англичане и проч. и проч., ѣздили сниматься группою. Это практикуется здѣсь каждый годъ. Вслѣдъ за этимъ получилъ приглашеніе отъ Вюртембергскаго короля на маневры въ Штутгартъ, которые продолжатся до 22 сентября новаго стиля. Такъ что видишь, душа моя,—мнѣ не придется 8-го быть въ Варшавѣ, и этотъ день мы проведемъ не вмѣстѣ.

Вчера былъ большой обѣдъ у императора Вильгельма, было до 300 персонъ, и наконецъ-то послѣ обѣда мнѣ удалось передать ему поклонъ отъ нашего Государя.

На парадѣ я былъ представленъ императрицѣ Августѣ, съ которой сказалъ нѣсколько словъ. За обѣдомъ очень много говорилъ съ Маріей Максимилиановной ²⁾, которая была очень любезна и пригласила завтра къ себѣ въ церковь. Очень милые люди съ сыномъ, готовящимся быть кавалеристомъ, и дочерью, которая много рассказывала мнѣ о Петербургѣ, гдѣ она была зимою и все видѣла, кромѣ снѣга.

Императоръ былъ очень любезенъ, но онъ подряхлѣлъ значительно съ 79 года, когда я его видѣлъ въ Александровѣ.

¹⁾ Дель, Федоръ Францовичъ, докторъ, долго практиковавшій въ Петербургѣ.

²⁾ Принцесса Марія Баденская.

Сегодня—обѣдъ-гала у Баденскаго великаго герцога въ 5 часовъ, и вечеромъ въ 7 часовъ въ оперѣ дается „Кармень“—куда мы всѣ приглашены, т. е., въ театръ герцогскій до 16 сентября.

Жалѣю, что бѣдная Таня ¹⁾ проболѣла такъ долго. Поцѣлуй за меня ручку у Александры Сергѣевны ²⁾ и Миму ³⁾ Лидію ⁴⁾, бѣдную Таню и вѣрь глубокой преданности твоего деспота

О. Радецкаго.

Милая моя птица, я только-что вернулся отъ принца Вильгельма Баденскаго и Маріи Максимилиановны, гдѣ слушалъ обѣдню и потомъ завтракалъ. Церковь—маленькая, пѣвчіе изъ оперы хорошо поютъ, но, разумѣется, плохо выговариваютъ русскія слова. Принцесса очень хорошо, т. е. совершенно хорошо, говорить по-русски и въ обращеніи была просто обворожительна. Онъ—очень милъ и у нихъ сынъ и дочь, лѣтъ 17-ти или 18-ти, очень милые сюжеты.

Вчера былъ обѣдъ у великаго герцога Баденскаго. Я разговаривалъ съ великой герцогиней и доѣхалъ до того, что ихній министръ внутреннихъ дѣлъ оказался мнѣ родственникомъ вотъ по какому случаю: онъ женатъ на племянницѣ жены Федора Францовича Деля, а мой братъ Котя былъ женатъ на дочери Александра Францовича Деля, слѣдовательно: и проч., и проч. По-русски называется—седьмая вода на киселѣ. Не могъ это имъ перевести по-французски.

Завтра пріѣдетъ сюда нашъ посланникъ въ Штутгартѣ, и завтра рѣшится окончательно вопросъ, поѣдемъ ли мы туда на маневры или нѣтъ. Если нѣтъ, то я въ субботу поѣду на Вѣну, гдѣ проведу два дня, въ Варшаву; если же да, то въ четвергъ поѣду въ Штутгартѣ и тамъ пробуду до 23 сентября новаго стила.

Цѣлую тебя отъ души, душа моя. Твой О. Радецкій.

Напишу два слова къ Эллерсу ⁵⁾.

Воскресеніе, 13 сентября новаго стила 1885. Карлсруэ.

¹⁾ Свояченица О. О.—Татьяна Петровна Лебедева

²⁾ Теща О. О.—Александра Сергѣевна Лебедева.

³⁾ Свояченица О. О.—Марья Петровна Лебедева.

⁴⁾ Свояченица О. О.—Лидія Петровна Лебедева.

⁵⁾ Начальникъ штаба Харьковскаго военнаго округа.

14 сентября, Hôtel Germania, Карлсруэ.

Вчера вечеромъ былъ театр-гала въ полной формѣ. Давали посмертную оперу Галеви, доконченную авторомъ „Карменъ“, зятемъ Галеви, подъ названіемъ „Ной“. Въ первыхъ двухъ актахъ совершались беззаконія, вызвавшія потопъ. Въ третьемъ—самый потопъ, плаваніе ковчега Ноева и, наконецъ, возвращеніе на землю: голубь, миртовая вѣтка и законное препровожденіе времени людей, вышедшихъ изъ ковчега.

Первый актъ очень хорошъ; музыка прекрасная и исполненіе, что касается женщинъ,—хорошо, но мужчины плохи.

Второй и третій акты—ерунда порядочная. Клонило ко сну. Обыкновенно вечеромъ послѣ разныхъ придворныхъ пертурбацій, часу въ 11-мъ, я возвращаюсь домой и съ удовольствіемъ пью двѣ чашки чаю съ молокомъ.

Сегодня въ 8 часовъ утра мы выѣхали на маневры и тамъ пробыли до 2-хъ часовъ, потомъ закусили и вечеромъ послѣ обѣда, который будетъ въ 6 часовъ, отправимся въ циркъ; а завтра—опять на маневры. Чувствую себя очень хорошо. Въ Штутгартъ поѣдемъ 18-го, а 17-го свободны. Впрочемъ, думаю съѣздить въ Баденъ; часъ ѣзды.

Цѣлую тебя, моя хорошая. Будь благонадежна.

Твой Э. Радецкій.

Милая моя птица. Кончили здѣсь послѣдніе маневры. Сегодня въ 6 часовъ обѣдъ парадный у Гросъ-Герцога, и затѣмъ мы надѣваемъ штатское платье. Вечеромъ думаю пойти къ Делю, а завтра утромъ поѣду въ Баденъ, гдѣ промаячусь цѣлый день, потому что иначе нельзя явиться въ Штутгартъ, какъ 18 сентября. Такъ что 18 сентября рано утромъ, я сяду на желѣзную дорогу въ Баденъ, мимоѣздомъ здѣсь въ Карлсруэ захвачу сундукъ и Григорія ¹⁾ и двинусь дальше въ Штутгартъ. Тамъ, кажется, маневры продолжатся до 23, а 24 сяду на дорогу и черезъ Вѣну, гдѣ пробуду два дня для разныхъ закупокъ и для театра, вернусь въ Варшаву. Изъ Вѣны буду тебѣ телеграфировать. Поцѣлуй Ольгу и вѣрь моей вѣрности.

Твой Э. Радецкій.

16 сентября. Карлсруэ.

¹⁾ Камердинеръ Э. Э.

Телеграмма изъ Бадена въ Варшаву 17 сентября 1885 года.

Генеральшѣ Радецкой.

„*Bien arrivé mercredi à Bade. Radetzky*“.

Распрощался съ Баденскимъ Дворомъ въ Карлсруэ 16-го сентября, а вчера 17-го поѣхали мы цѣлой компаніей въ Баденъ-Баденъ, гдѣ весь день провели въ осмотрѣ гористыхъ окрестностей, которыя напоминаютъ нѣкоторыя мѣста Кавказа. Вечеромъ обѣдали въ курзалѣ и слушали очень хорошую музыку, а потомъ разошлись спать. Сегодня утромъ (теперь 8 часовъ), выспавшись, встали, принялись за *café au lait* и готовимся ѣхать въ Штутгартъ, куда прибудемъ въ 2 часа дня и сейчасъ же надѣнемъ форму для разныхъ визитовъ. Маневры кончились очень хорошо, и императоръ Вильгельмъ далъ мнѣ брилліантовые знаки *Gross Kreuz* Краснаго Орла, такъ что хватить ихъ на тебя, на Олю и на кого хочешь.

До свиданія, душа моя. Я совсѣмъ здоровъ.

Твой Е. Радецкій.

Баденъ-Баденъ, 18 сентября.

20-го—т. е. 8-го сентября. Штутгартъ.

Цѣлую тебя, моя хорошая жена, за то, что ты сегодня сочеталась съ твоимъ деспотомъ, и за то, что ты такая хорошая вообще.

Много тебѣ было хлопотъ съ болѣзнию бѣдной Тани. Я сначала получилъ здѣсь твое письмо о Завадскомъ и удивился, что ты не обратилась къ Карвовскому ¹⁾. Потомъ уже вечеромъ получилъ твое предыдущее письмо. Изъ первыхъ ничего не видно было, что она, бѣдная, такъ серьезно была больна.

Приѣхалъ сюда, какъ писалъ тебѣ изъ Бадена, въ 2 часа дня, немедленно переодѣлся и отправился по мытарствамъ. Городъ—небольшой, такъ что въ 6-мъ часу все кончилось, пообѣдалъ въ гостинницѣ и вечеромъ присутствовалъ при громаднѣйшемъ факельцугѣ, который устроилъ здѣшній городъ для кайзера. По утру вчера собрались на парадъ въ Людвигсбургъ, гдѣ былъ собранъ весь Вюртембергскій корпусъ. Въ 5 часовъ былъ парадный обѣдъ у короля, который самъ, впрочемъ, на обѣдѣ не былъ. Была королева, когда-то знаменитая красавица Ольга Николаевна, которую я видѣлъ въ 39 году семнадцати-

¹⁾ Извѣстный докторъ въ Варшавѣ.

лѣтней великой княжной. Неудачная жизнь сдѣлала изъ нея высокую, чрезвычайно худую старуху, но все-таки она имѣетъ видъ настоящей королевы. Послѣ обѣда она сказала намъ нѣсколько словъ, я представилъ ей моихъ спутниковъ, а вечеромъ въ 8¼ часовъ былъ Запфенштрейхъ, т. е. общая заря съ церемоніей, но только не въ лагерь, а—передъ дворцомъ.

Сегодня въ 10 часовъ къ обѣднѣ въ русскую церковь. Потомъ къ Вѣрѣ Константиновнѣ ¹⁾, хотя вчера и представлялся ей за обѣдомъ. Потомъ—обѣдъ у корпуснаго командира, а вечеромъ—театръ гала.

Завтра—маневры и 24-го—конецъ. Я еще тебѣ буду писать отсюда и, хотя ты писала, что больше писать не будешь, все таки надѣюсь получить отъ тебя еще два письма здѣсь. 25-го я отсюда выѣду не шнеэльцугомъ, гдѣ нѣтъ третьяго класса, но обыкновеннымъ поѣздомъ въ Мюнхенъ, а 27-го вечеромъ надѣюсь быть въ Вѣнѣ. Тамъ пробуду дня два для покупокъ и оттуда уже о выѣздѣ въ Варшаву буду тебѣ телеграфировать въ Пулавы, вѣроятно, 27-го или 28-го, а 1-го октяб ря также вѣроятно, обниму тебя очень крѣпко.

До свиданія, душа моя хорошая. Цѣлую тебя крѣпко.

Твой Э. Радецкій.

Ольгѣ пишу особо, потому что она оскорблена тѣмъ, что Наташа не отвѣчаетъ на ся письмо къ ней. Нѣтъ ли чего отъ Борьки ²⁾.

Милая птица. Сегодня 21-го — первый день маневровъ. Теперь 4 часа. Мы только-что вернулись, а въ 5½ будемъ обѣдать. Сегодня вечеромъ мы въ Нѣмецкомъ Шаушпилѣ; вчера вечеромъ были въ оперѣ, гдѣ давали „Оберона“. Декорации отличныя, но въ общемъ — не важно. Завтра и послѣ завтра—опять маневры, въ четвергъ — еще какая-то штука, а въ пятницу—„марширъ нахъ гаузе“.

Цѣлую тебя. Дай Богъ, чтобы Таня скорѣй поправилась.

Цѣлую тебя. Твой Э. Радецкій.

Я здоровъ.

21-го новаго стила. Штутгартъ.

¹⁾ Принцесса Вюртембергская.

²⁾ Младшій сынъ Э. Э.—Борисъ Ѳедоровичъ, впоследствии убитый въ русско-японскую войну 1904—1905 гг.

Наконецъ-то, душа моя, здѣсь все кончилось къ общему благополучію, и я сегодня послѣ проводовъ императора и принцевъ съ королемъ, надѣваю штатское платье и завтра утромъ отсюда выѣду въ Мюнхенъ, куда прибуду завтра вечеромъ 24-го. Осмотрѣвъ Пинакотеку или какъ ее тамъ къ чорту звать, 26 ѣду въ Вѣну, куда прибуду не знаю когда, но по прибытіи навѣщу Каульбарса ¹⁾, поклонюсь Стратегин ²⁾ и, вѣроятно, застану тамъ письмо твое. Изъ Вѣны буду тебѣ телеграфировать о выѣздѣ въ Варшаву.

Въ Варшавѣ ты меня завезешь къ Фадѣеву ³⁾; я тамъ возьму ванну, чтобы очиститься отъ всей здѣшной военной пыли и грязи, и мы переночуемъ вдвоемъ, а на слѣдующій день—въ Пулавы. Итакъ, я 26-го — въ Вѣнѣ или утромъ 27-го, и оттуда тебѣ телеграфирую.

Поцѣлуй Олю и всѣхъ своихъ. Я думаю, что Таня поправляется. До свиданія. Твой О. Радецкій.

23-го, 6 часовъ вечера. Штутгартъ.

25-го сентября. Мюнхенъ.

Вчера вечеромъ прилетѣлъ сюда въ 7^{1/2} часовъ. Погода была прекрасная. Пообѣдали и, вмѣстѣ съ Фохтомъ ⁴⁾,—прочіе развѣхались, кто въ Парижъ, кто въ Страсбургъ,—такъ вмѣстѣ съ Фохтомъ отправились въ Колизей, гдѣ шло представленіе въ родѣ какъ въ циркѣ, только безъ лошадей, и была одна нѣмецкая пѣвица. Сегодня поѣдемъ по городу, будемъ въ разныхъ картинныхъ галереяхъ, національныхъ музеяхъ и проч., а завтра въ 6 часовъ утра двинемся въ Вѣну, куда прибудемъ вечеромъ завтра же. Зайду на почту, нѣтъ ли письма отъ тебя. А послѣ завтра утромъ, т. е. 27-го, поѣду къ Каульбарсу, который укажетъ, гдѣ что купить. Потомъ, душа моя, протелеграфирую тебѣ о времени выѣзда и прихода въ Варшаву. Не забудь, что вокзалъ на Маршалковской улицѣ. Идетъ небольшой дождь.

Цѣлую тебя, душа моя. Я пробуду въ Вѣнѣ дня три.

Цѣлую тебя. Твой О. Радецкій.

¹⁾ Флигель-адъютантъ баронъ Николай Васильевичъ Каульбарсъ, русскій военный агентъ въ Вѣнѣ.

²⁾ Дочь барона Каульбарса — Елизавета Николаевна.

³⁾ Бани въ Варшавѣ.

⁴⁾ Офицеръ генеральнаго штаба, состоявшій при О. О. во время его поѣздки въ Германію.

Телеграмма изъ Вѣны въ Варшаву 27-го сентября 1885 г.
Генеральшѣ Радецкой.

„Arrivé heureusement, point lettre, Kaulbars point. Installé hôtel Metropol, attends télégramme. Radetzky“.

Вчера вечеромъ, душа моя, получилъ твою телеграмму. Вчера было воскресенье и всѣ лавки закрыты. Сегодня пойду сначала въ часовой магазинъ, поищу часы для тебя и для Ольги и потомъ—въ разные магазины, чтобы набрать разныхъ разностей для твоихъ сестеръ. А если останутся деньги, то куплю полотна и платковъ. Каульбарса не засталъ, онъ съ семействомъ на дачѣ въ Тиролѣ; я оставилъ ему карточку, а ей—тоже карточки, твою и свою, которая загнулъ.

У меня, кромѣ русскихъ денегъ, остались 100 марокъ золотыхъ и 350 гульденовъ; надо ихъ истратить здѣсь на покупки—не везти же въ Россію австрійскія деньги.

Что Таня? Меня беспокоитъ, что ты объ ней ничего не пишешь, а сама переѣхала въ Варшаву къ Гечевичамъ.

Цѣлую Ольгу и тебя, моя очень хорошая штука.

Твой Э. Радецкій.

28-го сентября, Вѣна, 8 часовъ утра.

Когда выѣду, то буду телеграфировать. Здѣсь до Варшавы, кажется, 2 дня пути. Сейчасъ справлюсь. До скорого свиданія.

Телеграмма изъ Вѣны въ Варшаву. 30-го сентября 1885 г.
Генеральшѣ Радецкой.

„Arrive demain mercredi 9 heures soir. Radetzky“.

А. Вольноходовъ.

